

=====
Оригинал здесь: Машинный фонд русского языка
http://cfrl.ru/prose/nemirovich-d/texts/sv_gory.txt
=====

Путь к монастырю.
Соловьинная ночь

Еще засветло выехали мы из тихого, спящего у своих соляных озер Славянска. Позади смутно рисовались темные силуэты градирен и высокие, едва опушившиеся весеннею зеленью, березки с черными шапками грачиных гнезд. До Святогорского монастыря было верст около четырнадцати. Пустынная дорога, пустынные луга по сторонам, только и оживляемые тесно сбившимися отарами, когда-то помещичьих, а теперь перешедших в еврейские руки овец. Заходящее солнце обливает окрестности косыми лучами. Над нежною мелкою травой точно вздрагивает золотистое пламя... Какая-то речонка мерещится огнистым зигзагом – далеко-далеко, там где поля уже слились с небом в таинственные голубые сумерки... Прощальное сияние умирающего дня зыблется и на придорожном озерке, мимо которого, мягко шурша по пыльному пути, катится наш экипаж.

- Это все монашеское! – махнул рукою кругом мой спутник, когда мы отъехали верст десять от Славянска.

- И поля, и луга?

- Да... Прежде иноки хлебопашеством сами занимались, ну, а как пошли неурожаи, они и сдали крестьянам... У нас крестьяне малоземельные, бедные. Промыслов скудость. Соляной едва-едва кормит только... Да и тот для горожан. У нас случается, что с крестьянина сходит податей и всяких сборов больше, чем он заработает в год.

- Кто же выручает?

- Обитель. Ей выгодно помогать. Вся окрестная местность поэтому в ее руках. И землю арендуют у монахов. Монастырю лучше и желать нельзя. Посев крестьянский, а треть урожая – обители...

- Это много.

- Да ведь куда денешься... К жиду идти – еще хуже.

Безоблачный день скоро сменился ясною лунною ночью... Дорога от фермы, тоже принадлежащей инокам, пошла по откосу крутой горы. Ущелье внизу сплошь заросло сосновым бором. Свет месяца зыблется только на верхушках деревьев – под нами. Глыбами матового серебра кажутся попадающиеся по дороге меловые скалы. Пахнут ночными фиалками, поднявшимися на горных скатах. Чем дальше, тем оглушительнее орут лягушки. В этих лощинах и болотинах, по реке Донцу и его притокам – мириады их. Ни одной минуты тишины; концерт продолжается до утра, и кажется, что каждая из певиц старается особенно отчетливо выделять свои однообразные рулады. Впрочем, всякий, кто был здесь, согласится со мною, что в общем это вовсе не так неприятно, как может показаться... Вон вдали мелькнула облитая лунным блеском церковка и снова спряталась в чашу деревьев. За нею пошли рощи, запахло дубовою порослью и послышалась соловьиная песня... Сначала редкая, отрывистая, пропадавшая в лягушечьем концерте, но чем ближе к Донцу, тем все более и более громкая. Скоро вокруг нас пели тысячи соловьев. Я не знаю, с чем сравнить эти звуки ночи. Не хотелось говорить вовсе, только слушалось... Соловьинная песня как-то странно улаживалась здесь с ораньем лягушек. Оно как будто составляло фон, на котором выделявали свои поэтические трели неутомимые певцы красивой Украины... Понятие о ночи не могло здесь ужиться с представлением о тишине. Ночь была крикливее дня; точно каждый лист этих задумчивых рощ проснулся под волшебным светом месяца и трепетал, и пел нам навстречу... И что за очаровательная дорога шла перед нами. Отсюда она уже прорыта на меловой горе. Серебром блещет под луною, голубыми сумеречными тонами уходит во тьму... Слева – стена мелового откоса, справа – обрыв в соловьиную чашу.

Мы вышли из экипажа.